Как остановить балканизацию Восточной Европы?

Евгений Прейгерман

Опубликовано на Caliber.az

Резюме

В Восточной Европе резко возрастает военно-политическая напряженность. Регион все больше напоминает Балканы в начале прошлого века, в преддверии Первой мировой войны. Хорошие новости в том, что негативные процессы можно остановить и рецепты для этого общеизвестны. Нужна лишь политическая воля со всех сторон.

Содержание

1 Череда событий на фоне учений «Запад-2025»
2 Балканизация Восточной Европы
3 Не или – или, а и-и

Уходящая неделя принесла много настораживающих новостей из Восточной Европы. Из-за войны между Россией и Украиной на этот регион в последние годы и так естественным образом направлены пристальные мировые взоры, но чем дольше война продолжается, тем, к сожалению, более привычной становится. По крайней мере, пока она идет в границах двух воюющих государств. Сейчас же произошла череда событий, которые выходят за территориальные рамки этой войны и заметно повышают риски ее горизонтальной (то есть географической) эскалации, а также создают новые предпосылки для серьезнейшего кризиса в масштабах уже всей Европы. Речь, как минимум, о двух таких событиях.

Череда событий на фоне учений «Запад-2025»

Вначале премьер-министр Польши Дональд Туск объявил 9 сентября, что его правительство приняло решение полностью закрыть границы с Беларусью, включая железнодорожные переходы. В ночь с 11 на 12 сентября это решение было реализовано. Как долго границы останутся на замке, понять пока сложно.

Изначально свое решение Варшава мотивировала проходящими с 12 по 16 сентября на территории Беларуси стратегическими белорусско-российскими учениями «Запад-2025». Однако, по словам министра внутренних дел Польши Марчина Кервиньского, «закрытие границы бессрочное», польские власти будут «постоянно анализировать ситуацию» на предмет угроз безопасности.

Правда, о каких именно угрозах безопасности, ликвидировать которые помогает закрытие всех погранпереходов, идет речь, сказать непросто. Дело в том, что еще в конце мая Министерство обороны Беларуси приняло решение отодвинуть учения подальше от западных границ и провести маневры на полигонах в центральной и восточной частях страны. Сделано это было с целью снизить эскалационные риски вокруг учений. С этой же целью Минск снизил и количественные параметры «Запада-2025». Вместо изначально планировавшегося белорусско-российского контингента размером 13 тыс. военнослужащих в них принимает участие около 7 тыс. Россиян из них около 1 тыс. человек.

Более того, Минск направил приглашения наблюдать за учениями абсолютно всем государствам-членам ОБСЕ, включая все страны-соседи, хотя согласно Венскому документу при таком масштабе учений мог не только не приглашать наблюдателей, но даже и не оповещать государства ОБСЕ о планируемых маневрах. При этом Минск предложил весьма либеральный режим наблюдения, подразумевающий возможности для наблюдателей координировать, что именно они хотят посмотреть, а также пообщаться непосредственно с солдатами.

> Наконец, Беларусь заявила о готовности принять во время учений не только наблюдателей, но и инспекционные миссии в рамках существующих соглашений по контролю за вооружениями и мерам доверия и безопасности.

К сожалению, никакие из этих деэскалационных шагов Минска не были оценены и использованы западными соседями. Наоборот, Польша приняла совершенно беспрецедентное решение закрыть всю границу. Очевидно, что в реальности это решение связано не только с самими учениями, но и с чем-то другим. Возможно, с несколькими обстоятельствами одновременно. Например, непосредственным поводом для такого беспрецедентного шага могло послужить недавнее задержание за шпионаж в Беларуси польского монаха. Одновременно польское правительство в целом могло решить поднять ставки в нараставшем последние пять лет политическом конфликте с Минском. Также с помощью такого шага Польша явно дополнительно сигнализирует своим союзникам в ЕС и НАТО о том,

что сталкивается с повышенными рисками и угрозами безопасности с востока и потому нуждается в их солидарности и всяческой материально-технической помощи.

Второе событие уходящей недели получило еще больший международный резонанс. В ночь с 9 на 10 сентября польское воздушное пространство нарушили по официальной информации 19 дронов. Многие вопросы в этой ситуации пока покрыты густым туманом, поэтому со стороны сложно делать уверенные заключения. Но правительство Польши однозначно утверждает, что дроны были российскими и что залетели они не случайно, не по ошибке или из-за работы средств радиоэлектронной борьбы.

Понятно, что событие неординарное. Это уже не первый случай, когда ракеты или дроны, участвующие в российско-украинских воздушных дуэлях, залетают в Польшу. Однако сейчас их количество впечатляет, пусть они и не нанесли большого урона, так как были «пустышками», не несли боевой части. Судя по всему, ВВС Польши и оперативно подключившихся стран-союзниц смогли сбить лишь 3 или 4 беспилотника, а остальные упали самостоятельно. Уже только это обстоятельство, разумеется, требует от польских властей решительных действий, чтобы снизить уязвимость собственных систем противовоздушной обороны на будущее.

К слову, как выяснилось, прилетов могло быть и еще больше. Генеральный штаб Минобороны Беларуси заявил, что предоставлял польским (и литовским) коллегам в режиме реального времени информацию о зафиксированных белорусскими радарами беспилотниках. Польские власти это подтвердили, как и факт ответного предоставления информации белорусам.

Такое оперативное и конструктивное взаимодействие по военной линии стало приятным сюрпризом на фоне растущей политической напряженности между Минском и Варшавой, особенно после закрытия Польшей всех погранпереходов на границе. К сожалению, это взаимодействие пока не получило какого-то позитивного развития. Наоборот, уже вскоре Варшава объявила, что, помимо закрытия наземной границы, вводит бесполетный режим на воздушной границе с Беларусью.

Балканизация Восточной Европы

Очевидно, что в сухом остатке события этой недели привели к резкой и масштабной эскалации военно-политической напряженности в Восточной Европе. Оба события пугают не только и даже не столько своей беспрецедентностью, сколько тем, что значительно расширяют окно Овертона.

> Чем выше взметается эскалационная спираль, тем более опасным может оказаться ее последующий виток.

При этом пока сложно представить, что, например, полное закрытие польско-белорусской границы может стать долгосрочным, так как оно затрагивает серьезные интересы слишком многих третьих игроков. Пограничные переходы между двумя странами являются ключевой грузовой артерией для наземных товарных потоков между Азией (прежде всего Китаем) и Европой. Да и сама Польша здесь несет существенные потери. Поэтому как-то свое решение Варшава будет вынуждена скорректировать.

Но в целом, как отчетливо показывают последние годы, традиционные либеральные надежды на то, что экономический интерес может серьезно влиять на решения в сфере безопасности, оказываются иллюзорными. Поэтому происходящее настораживает еще больше. Тем более, что эти события органично продолжают и развивают уже давно проявившиеся региональные тенденции. С некоторой долей условности эти тенденции можно охарактеризовать как балканизацию Восточной Европы.

Белорусские аналитики Сергей Богдан и Денис Мельянцов писали об этом феномене еще в 2021 году: «*Страны региона уже довольно далеко продвинулись в геополитическом разрыве Восточной Европы, сужении базы для мирного сотрудничества и даже сосуществования, втягивании внешних игроков в региональные споры, что обосновывается ссылками на те или иные благородные цели. При этом общества и истеблишмент стран региона в подавляющем большинстве не склонны обсуждать опасность развивающейся ситуации и как будто не замечают эти тенденции».*

То есть речь о балканизации не в смысле распада многонациональных крупных государств на более мелкие и этнически гомогенные, а в том историческом значении, которое Балканы приобрели в начале XX века. Многочисленные сконцентрировавшиеся там противоречия тогда сложились в такой пазл, который

дал искру для разгорания пламени Первой мировой войны. К сожалению, эта аналогия выглядит все более уместной на фоне последних событий на белорусско-польской границе, не говоря уже о продолжающейся масштабной войне в Украине.

Еще одна параллель с Балканами в начале прошлого века – схожий характер эскалации военно-политической напряженности. Сегодня внутри и вокруг Восточной Европы можно наблюдать многое из того, что австрийский историк Кристофер Кларк описал в своей знаменитой книге «Лунатики: как Европа пришла к войне в 1914 году». Он сделал вывод, что вину за развязывание той войны сложно возложить на какую-то одну конкретную страну или конкретного политика.

> К мировой войне привели не чьи-то злые намерения, а неблагоприятная череда связанных между собой событий, процессов, представлений и решений, которые в итоге вылились в катастрофу глобального масштаба.

Сейчас также мало оснований утверждать, что какая-то страна или кто-то из политико-формирующих кругов в государствах региона стремятся развязать большую войну. Однако полифония разрозненных интересов и действий в восточноевропейских странах, а также со стороны внешних акторов ведет все в том же направлении, что и более ста лет назад. В частности, под звучащими со всех сторон лозунгами о военном сдерживании геополитических оппонентов происходит наращивание военной инфраструктуры, количества «людей с ружьем» и самих ружей и пушек. И это, к сожалению, как раз тот случай, когда в политическом анализе уместно метафорическое заимствование из драматургии: если в начале пьесы на стене висит ружье, то к концу пьесы оно должно выстрелить.

Не или – или, а и-и

Точнее говоря, ружье не должно, а с высокой вероятностью может выстрелить, даже если в моменте это кажется маловероятным. Непреодолимой предначертанности здесь все же нет. И это принципиально важно. Это одна из немногих хороших новостей в сложившейся ситуации в Восточной Европе.

Еще одна хорошая новость – из истории и теории международных отношений мы даже знаем, что именно нужно, чтобы ружье в конце пьесы так и осталось висеть на стене. Нужно понимание, что безудержной ставкой на одно лишь военное сдерживание оппонента добиться желаемого результата на длинных дистанциях,

как правило, не получается. Потому что ваше сдерживание в оборонительных целях всегда воспринимается противоположной стороной как агрессивно нацеленная на нее политика. Поэтому в ответ она делает то же самое, но еще с большим рвением. Особенно с учетом того, что эти процессы всегда сопряжены с существенным сокращением или даже полным отсутствием коммуникации между оппонентами. В результате военное сдерживание происходит в условиях растущего недопонимания и аттрибутивного восприятия друг друга, когда другой стороне обязательно приписываются исключительно злонамеренные и агрессивные интенции даже там, где в реальности таких интенций вообще нет.

Это, так сказать, классика жанра. Так было всегда, и именно по этой часто незримой логике всегда будут развиваться спирали военно-политической эскалации между государствами. Эти спирали ведут к гонкам вооружения, разрушению взаимовыгодного экономического сотрудничества, всевозможным кризисам и, как итог, прямым военным столкновениям. Даже фактор ядерного оружия не может принципиально изменить эту логику и обусловленную ею механику процессов.

Единственное, что может – это понимание такой неизбежной механики и политическая воля принимать непопулярные, но фактически безальтернативные решения, которые позволят остановить дальнейшее раскручивание спирали безопасности. Смысл этих решений в том, что сдерживание военными средствами (а его важность также не стоит отрицать) критически важно дополнять диалогом и сотрудничеством.

> То есть сдерживание и диалог – это не взаимоисключающие альтернативы, а две органичные составляющие мудрой политики в сфере безопасности. Притом диалог нужен не только между дипломатами и экспертами, но и непосредственно на уровне военных.

Быстрые и подчеркнуто позитивные результаты такого диалога показал, например, упомянутый обмен информацией о находящихся в воздухе беспилотниках между оборонными ведомствами Беларуси и Польши. Однако это пример всего лишь точечного взаимодействия, которое помогло минимизировать урон и риски в конкретной ситуации, но не способно оказать более долгосрочное позитивное влияние на региональные процессы. Для последнего диалог нужно сделать нормой и ввести в систему. И тогда его участники сами не заметят, как смогут договориться очень о многом.

Евгений Прейгерман
Директор Совета по международным отношениям «Минский диалог»